

Елена Ничипорчик

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Беларусь

<https://orcid.org/0000-0002-1284-6236>

Воспроизводимое и вариативное в текстовых реализациях паремий

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию маркеров связи окказиональных вариантов паремиологических единиц с содержанием их исходных вариантов. Автор статьи анализирует понятие воспроизводимости, акцентируя внимание на неустойчивости материальной и идеальной сторон языковых знаков; определяет причины частотности использования паремий в трансформированном виде, выясняет с опорой на тексты Национального корпуса русского языка, что способствует актуализации связи трансформы / отдельного компонента паремии с понятийным содержанием словарного варианта паремиологической единицы.

Ключевые слова: *знак, воспроизводимость, паремия, трансформ, понятийное содержание*

1. Введение

Обсуждение вопроса о том, какова специфика воспроизводимости паремий и до каких границ может изменяться материальная сторона паремиологического знака, сохраняя способность реализовать присущее (присущие) паремиологическому знаку значение (значения), требует в первую очередь уточнения главного и наиболее уязвимого из обсуждаемых понятий – понятия воспроизводимости.

Применительно к языковому знаку воспроизводимость можно определить как его сущностное свойство, проявляющееся при употреблении знака и заключающееся в оживлении ассоциативной связи между означающим и означаемым знака. Подчеркнем, что при определении воспроизводимости знаки нельзя трактовать как безусловно готовые к употреблению единицы, так как ни одна из сторон знака не отличается абсолют-

ной стабильностью¹. “Подрывающим” моментом в трактовке знаков как готовых для воспроизведения единиц является то, что знак, как утверждает Ю.М. Лотман (2002), не может быть непосредственно идентифицирован с самим собой, поскольку такая идентификация противоречит его основному свойству – знаковости. На диалектическое единство противоположностей в природе знака указывал и С.О. Карцевский (1965). По мнению ученого, природа языкового знака неизменна и подвижна одновременно и благодаря наличию некоторой константы в своей природе знаки не утрачивают своей идентичности:

Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. (...) Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе (Карцевский 1965).

Целесообразно полагать, что в каждом конкретном случае воспроизводимость знака с учетом “текучести” и означающего, и означаемого заключается в оживлении ассоциативной связи между материальной репрезентацией знака, имеющей нечто общее со всеми иными материальными воплощениями знака, и значением, детерминируемым взаимодействием устойчивой части понятийного содержания знака и функции, которой наделяется знак в линейном ряду.

Есть и еще одно обстоятельство, которое затрудняет объяснение воспроизводимости языковых знаков, проявляющейся в процессах коммуникации. Это иерархическая организация языковой знаковой системы и, как следствие, отсутствие непреходимой грани между воспроизводимым и вновь создаваемым. Условно готовые единицы нижележащего уровня языка могут породить новое на уровне, представляющем комбинаторику знаковых единиц – знаков иного, вышележащего уровня. Новым может быть слово, представляющее окказиональное образова-

---

¹ Изменчивость плана выражения, например, словесного знака находит проявление в нормативных и ненормативных фонетических и грамматических его вариантах, устойчивых сочетаний – в синонимической вариативности компонентов. Постоянная содержательная “текучесть” знаков детерминируется контекстуальными зависимостями. “В сущности, никакой словарь, – пишет Б.Ю. Норман (2003: 51), – не сможет учесть все мыслимые случаи расширения плана содержания слова...”. Эта особенность природы знака отмечается многими учеными (Налимов 1979, Вайнрих 1987, Карцевский 1965, Гаспаров 1996 и др.).

ние, и его значение “прочитывается” на основании памяти о значимости составляющих его морфем. Новым может быть и сочетание слов, поражающее ассоциативной связью, не соответствующей “естественным связям слов”²; смысл такого сочетания дешифруется с опорой на логику воображения, основанную на отождествлении подобного или смежного. Новым является каждое высказывание, воплощающее продуцируемую сознанием человека мысль, хотя и воспроизводит определенные схемы развития мысли, скрытые или прямые способы выражения коммуникативных намерений, целые “коммуникативные фрагменты”, которые “знакомы” языковой личности (использовались личностью ранее или почерпнуты из текстов, с которыми он соприкасался) (Гаспаров 1996: 118–119; Караулов 1996). Лингвисты предупреждают о нецелесообразности уподобления речевой деятельности игре в “Lego”, при которой нечто новое komponуется из некоторого изначально имеющегося набора деталей (Красных 2012: 137). Принципиальное отличие уподобляемых областей деятельности касается не только инструментов деятельности (детали “Lego” всегда тождественны самим себе, языковые знаки постоянно скользят по “наклонной плоскости реальности” (Карцевский 1965: 89)), но и характера деятельности. Игра в конструктор при условии предвосхищения результата основывается на осмыслении каждого шага в построении некоторого целого. При продуцировании речи, подчиненной той или иной цели, в силу заложенных в сознании человека алгоритмов речемыслительной деятельности и наличия уже готовых к употреблению соединений знаковых единиц, снимается оппозиция между осознаваемыми и “механическими” (уже живущими в памяти и бессознательно воспроизводимыми) соединениями знаковых единиц.

В свете сказанного постановка вопроса о том, что, собственно, воспроизводится осмысленно, выбирается продуцентом речи из имеющегося в его сознании арсенала средств – слова, сочетания слов или более крупные блоки взаимосвязанных единиц, – вряд ли подразумевает однозначный ответ. В настоящее время можно лишь делать предположение о том, что в процессе порождения высказывания некоторый смысл, который подлежит выражению, воплощается в результате оживления существующих в мозгу человека ассоциативных связей, неоднородных комбинаторных моделей, узловые точки которых представляют

---

² О естественных связях слов говорил Ш. Балли (2001: 88), рассуждая о том, что слова гораздо легче запоминаются в сочетаниях, чем по отдельности, и живут в нашей памяти благодаря наличию тончайшей сети ассоциативных связей, отражающих множество возможностей сочетания слов.

слова и сочетания слов, избираемые, по определению М.Я. Дымарского (2013: 325–326), в соответствии с конкретной областью обозначения и оформляемые в линейный ряд в соответствии с лексико-грамматическим прообразом высказывания и коммуникативно-синтаксической моделью.

2. Семиотическая специфика паремий

Совершенно особую нишу в языке занимают паремии – отсылающие к коллективному мнению выражения-рефлексии на референтную ситуацию с подведением ее под класс типовых (Ничипорчик 2016: 7). По мнению ряда ученых, это знаки особого рода – гибридные по своей природе (Савенкова 2002, Иванова 2006: 22–23, Ничипорчик 2015: 32 и др.). Признаки языковой единицы проявляются у паремий в их семантической целостности, относительной устойчивости и воспроизводимости³. В своем словарном варианте паремия имеет структуру предложения, в отличие от переменных предложений предложения-паремии характеризуются денотативной структурой, выявляющей феномен двойного означивания – типовой ситуации, “узнаваемой” в знаке, и ситуации, подводимой под класс типовых. Признаки речевой единицы проявляются в способности паремии функционировать в качестве завершенных по смыслу единиц коммуникации с предзаданными и в то же время вариативными интенциональными значениями. Специфика паремий как семиотических феноменов, состоит также том, что любая паремиологическая единица может информировать об устойчивых признаках дискурсивных ее реализаций и вне контекстных употреблений – сохраняться в пространстве культуры как микротекст, являющийся фиксированным результатом множественных дискурсивных процессов (Ничипорчик 2010). Фиксированность этого результата в языковом сознании коллектива выражается в приобретении паремией способности выступать в роли единицы, означающей и одновременно моделирующей множество переменных ситуаций (Потебня 1990: 100; Пермяков 1978: 254; Boggione 2007: XLIII).

Важная особенность паремиологических единиц состоит в том, что слова, представляющие их поверхностную структуру, в системе языка являются полнозначными и семантические роли этих слов как компонентов паремии характеризуются прозрачной мотивированностью. Эта

---

³ Развернутое описание признаков языковых знаков у паремиологических единиц дано в работе Л.Б. Савенковой (2002).

особенность, а также названные выше иные семиотические особенности паремиологических единиц обуславливают то, что паремии в своих речевых реализациях в значительной степени подвергаются изменениям. Идентификация паремиологического знака при существенных изменениях его материальной оболочки происходит в силу того, что любой элемент его поверхностной структуры, по замечанию М.А. Черкасского (1978: 39), “полностью предсказуем и потому сам по себе не несет никакой информации”.

Действительно, любой компонент паремии как сложного знака предсказуем, однако мысль о том, что любой компонент паремии сам по себе не несет никакой информации, верна лишь отчасти, а точнее, верна при взгляде, обращенном “внутрь” паремиологической единицы: семантическая целостность паремии сохраняется и при синонимических заменах одного или двух компонентов, частичной редукции компонентного состава. Если же мы обращаемся к информативности отдельных компонентов паремии вне самой паремии, то тот или иной компонент паремии в привязке к определенным ситуациям способен нести информацию, заключенную в proverbialном знаке в целом. Речь идет о явлении предвосхищения значения всего устойчивого выражения по его фрагменту, названном В.Л. Архангельским (1968) фразеологической антиципацией. Нельзя сказать, что данный тип антиципации придает уникальность паремиям как знаковым единицам: человеку свойственно восстанавливать целостность и иных знаков по их фрагментам (слов с пропуском графем, переменных предложений с пропуском отдельных членов и др.). Сознание конкретного человека способно удерживать в памяти все, что единожды усвоено, выявляя тем самым причастность к семиосфере, формируемой коллективом; в реальных же процессах коммуникации сознание способно отсекал ненужное в означаемом и означающем знака для выражения актуального смысла с расчетом на проявление соответствующих способностей другого конкретного человека – удерживать в памяти целое и отсекал ненужное.

На основании сказанного можно предположить, что, каким бы структурным трансформациям паремиологическая единица (подчеркнем – хорошо знакомая носителям языка) ни подвергалась, трансформ всегда будет ассоциироваться с исходным вариантом паремии⁴ и в этом

---

⁴ Подтверждает это предположение опыт собирания и изучения трансформированных устойчивых выражений. По мнению составителей известного словаря *Антипословицы русского народа* Х. Вальтера и В. Мокиенко (2006: 6), “как бы «творцы» новых пословиц или ультрасовременных паремийных трансформ ни претендовали на оригинальность, в боль-

смысле воспроизводить ее или по крайней мере, как в антипословицах типа *Чем дальше в лес, тем толще партизаны*, *Баба с возу – кобыла в курсе*, *Любишь кататься – люби и катайся* (Вальтер, Мокиенко 2006: 7), намекать на источник используемого для реализации иных значений “строительного материала”.

3. Проявление вариативного и константного при употреблении паремиологических знаков в речи

Любые трансформы (преобразования словарного варианта/словарных вариантов) паремий, обнаруживающие семантическую корреляцию с исходными вариантами паремиологических единиц, можно квалифицировать как окказиональные репрезентации содержания того или иного паремиологического знака – окказиональные варианты паремии. Обратимся к конкретным текстовым реализациям паремиологических единиц для того, чтобы определить, что же именно маркирует связь трансформов/автономно употребляемых компонентов паремий с понятийным содержанием паремии, имеющим в сознании носителей языка иную материальную форму.

3.1. Структурные преобразования паремий в аспекте оживления связи с содержанием исходного варианта паремиологической единицы

Материал для анализа составили текстовые реализации трех паремий, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка: *Знает/чуёт кошка, чье мясо съела*; *Назвался груздем – полезай в кузов*; *На безрыбье и рак рыба*. Избранные для анализа паремии различаются и по структуре, и по семантике, однако, как показывают наблюдения, подвергаются одним и тем же трансформациям, хотя и в разной степени.

Обращение к анализу текстовых реализаций даже такого малого количества паремий позволяет убедиться в том, что творческая составляющая речевой деятельности тоже в какой-то мере схематична⁵. Так,

---

шинстве из таких трансформ или новообразований прослеживаются контуры обыгрываемого, обновляемого прототипа”. Более того, В. Мидер (1998: V) считает: “Как бы остроумно ни было изменение пословицы, как бы ни разоблачалась она индивидуально-творческими переосмыслениями (...) – все это имеет истинный смысл, когда первоначальная пословица сопоставима с ее инновативными манипуляциями”.

⁵ Разные виды вариантности, трансформаций паремий, как, впрочем, и приемы со-

к числу типичных синтагматических фигур, представляющих традиционные приемы игры с планом выражения, относятся фигуры убавления (1, 2, 3); прибавления (4, 5, 6); перестановки (7, 8); замещения (9, 10):

- (1) *Появилась злость. Муж все так же ширкал пилой за домом. Вроде спрятался. Чует кошка... Он – мужик. Семью завел – значит, думай, как ее обеспечить (Екимов 2001)⁶;*
- (2) *Ей снилось: вот она лежит рядом с какой-то женщиной и долго преодолевает отращение, готовясь к ней прикоснуться. Отступить уже некуда, назвалась груздем... (Набатникова 2001);*
- (3) *Он пошел. Впрягся. Назвался груздем. Идиот! Собственно, выбора у него теперь не было (Серафимов 1978–1994);*
- (4) *Это старая история: не самые блестящие картины болтаются между “орлами”, “таврами”, “шоками”. На нашем безрыбье, как известно, и рак – рыба... (Бакушинская 2002);*
- (5) *Я, брат, не из корысти – мне что! Я только вот поучить люблю, чтоб знала скверная кошка, чье мясо съела... И не то чтоб со злом, а просто так, чтоб субординацию соблюсти! (Салтыков-Щедрин 1857–1865);*
- (6) *Только уж коли назвались груздем, так первым в кузовок полезайте, первым, поручик (Васильев 1988);*
- (7) *Вскорости придется надеть известную тебе ляжку, то есть полезть в кузов, так как я назвался груздем (меня, собственно, затем и отпустили сюда); но пока я могу жить драгоценной животной жизнью, расти в брюхо – и, пожалуй, стихи сочинять, коли приспичит охота (Тургенев 1877);*
- (8) *Ну, когда с другими достижениями сложновато, то и это раком на безрыбье покажется (Шахназаров 2013);*
- (9) *Наши выборы являются единственными действительно свободными и действительно демократическими во всем мире. На безрыбье даже “Дни Турбиных” рыба (Устюжанин 2003);*
- (10) *На безрыбье и катушка с подсвечником рыба? 5 мая неизвестные лица, воспользовавшись беспрепятственным доступом в подвал дома № 7а по улице Сахарова, вошли туда и поживились высоковольтной катушкой зажигания с подсвечником (Происшествия 2003).*

здания «новых» паремиологических выражений на базе старых, закрепленных узусом, в настоящее время хорошо изучены (Жуков 2000: 15–17; Наймушина 1984; Мелерович, Мокиенко 1997; Федорова 2007; Nováková 1998; Mieder 1998; Сергиенко 2015; Селиверстова 2009 и мн. др.). Составители словаря русских антипословиц Х. Вальтер и В. Мокиенко (2006: 12) пишут: “Лингвистический анализ всей совокупности паремиологических трансформаций действительно показывает, что, как бы ни казались они оригинальны и “неповторимы” (...), они подчиняются тем же законам преобразования паремий, что и поговорки, давно вошедшие в литературный обиход”.

⁶ Все приводимые в статье иллюстрации текстовых реализаций паремий извлечены из НКРЯ.

Как видим, фигура убавления – редукция поверхностной структуры паремии (1, 2) – как правило, предполагает мысленное восстановление редуцированной части, к чему “призывает” в устной речи использование паузы, в письменной – употребление многоточия. Это сигналы умолчания. Наличием таких сигналов умолчание отличается от тех случаев редукции паремиологической единицы, при которых сегмент поверхностной структуры паремии, достаточный для узнавания паремии в целом, используется в качестве автономной единицы номинации без намека на необходимость восстановления редуцированной части паремиологической единицы (3)⁷.

Из иллюстраций видно, что некоторые виды преобразования паремиологических единиц оказываются совмещенными. Так, нередко расширение состава паремии (4, 5, 6), перестановка (7, 8), замещение (9, 10) сопровождаются изменением грамматической формы одного или нескольких компонентов, изменением модальных значений. В таких случаях происходит своеобразное “присвоение” говорящим текста паремии: добавляя что-то свое, связываемое с окказиональной ситуацией, говорящий переводит паремию из разряда воспроизводимых дословно в разряд креативно обыгранных, перефразированных, “приближенных” к конкретным ситуациям обозначений. В результате комбинированных трансформаций, которые мы наблюдаем в приведенных выше иллюстрациях, паремии утрачивают статус текстов с коллективным авторством, но не утрачивают свойств, присущих им как вариантам канонического (фиксируемого словарями) паремиологического знака. Будучи преобразованными в “новые” строевые единицы речи, окказиональные варианты паремии частично либо полностью воспроизводят структурно-семантическую модель канонического варианта паремии, следовательно, так или иначе передают наиболее абстрактные значения паремиологической единицы, характеризуются предикативностью, свидетельствующей о ситуативной референтности, сохраняют в подтексте своего употребления связь с исходным коллективным мнением, оценочно и регулятивно маркируют действительность. И главное, несмотря на то что обозначаемые трансформами паремиологических единиц ситуации претендует на единичность, они легко подводятся под класс типовых, имеющих отношение в каждом конкретном случае к понятийному со-

---

⁷ По мнению О.С. Сергиенко (2015: 103–105), в тех случаях, когда редуцированный вариант пословицы оформляется с интонацией завершенности, “автор преследует определенную стилистическую цель” – создается «иллюзия нормативности, обычности употребления сокращенного варианта”.

держанию исходного варианта паремии. В подобных случаях мы не можем отрицать фактов воспроизведения паремиологических единиц, поскольку налицо оживление связи между новой материальной оболочкой паремиологического знака и устойчивой частью его содержания. И тот, кто использует в речи паремию в преобразованном виде, и тот, кто воспринимает окказиональный вариант паремии, осознают, что паремиологический знак, несмотря на трансформированность внешней формы и семантические приращения, “повторяется” в контексте культуры, а значит, выполняет свою знаковую функцию. Разумеется, в случае, если трансформ паремии приобретает новое значение, то есть композиты узнаваемой паремии⁸ употребляются в таких сочетаниях, которые используются для обозначения ситуации, принципиально отличной от репрезентированной каноническим вариантом паремии, реципиенту трансформ паремии будет понятно, что говорящий прибегает не к воспроизведению proverbialного знака, а к мотивированной совершенно иными целями игре с композитами паремии.

3.2. Использование ключевых слов паремии в качестве свернутых обозначений пропозиционального содержания паремиологического знака

Особое место в системе классических средств усиления выразительности занимает аллюзия – намек на прецедентное событие, прецедентный текст. Так называемая “текстовая аллюзия” (Москвин 2014: 43) основана на использовании в речи некоторого сигнального языкового средства, отсылающего к прецедентному тексту. Это может быть, по мнению В.П. Москвина (2014: 43), “отдельное слово или вариант слова, способные обеспечить ассоциативную “привязку” к конкретному прецедентному тексту”, “ряд однословных единиц, не отражающих компонентной, позиционной и грамматической структуры исходного текстового фрагмента”.

В терминосистемах, представляющих филологические подходы к описанию интертекстуальности, “знаки «чужого» голоса” (Махова 2014: 142), “сегменты содержательной структуры текста (...), вовлеченного в межтекстовые связи” (Сидоренко 2005: 143) получают назва-

---

⁸ Под композитом паремии понимается некоторая комплексная единица, представляющая композиционное звено в структуре паремии и характеризующаяся определенной функцией в составе целого (предложно-падежный комплекс; фрагмент паремии, представленный сочетанием компонентов).

ние интертекстом⁹. Если в качестве претекста проявляет себя паремия, то роль минимального сигнального средства (“репрезентанта аллюзии” (Москвин 2014: 43), связывающего претекст и новый текст, выполняет, как правило, ключевое слово/ключевое сочетание слов паремиологической единицы.

Регулярность использования ключевого слова как конструктивного элемента, выделяемого в качестве основы для трансформаций фразеологизмов и пословиц, не осталась незамеченной в лингвистике (Мелерович, Мокиенко 1997; Nováková 1998; Федорова 2007; Сергиенко 2015).

Белорусский исследователь И.Г. Гомонова (2018) осуществила классификацию вариантов сокращения паремий, связываемого с выделением ключевого слова/ключевых слов. Анализ был ограничен контекстами, содержащими метаоператоры *поговорка, пословица, народная мудрость* в сочетании с предлогами *о, про, насчет*. Опираясь на выводы А.А. Потebни, к которым ученый приходит в результате анализа процессов формирования пословиц на базе басен и поговорок на базе пословиц, И.Г. Гомонова акцентирует внимание на том, что рассматриваемые ею варианты сокращения паремиологических единиц, как и редукция паремий вообще, есть не что иное, как речевое воплощение процедуры “сгущения мысли”:

Рассуждая о сжатии пословицы, А.А. Потebня имеет в виду процесс фразеологизации (Старого воробья на мякине не проведешь → старый воробей; Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает → собака на сене и т. п.), однако значительная часть его наблюдений может быть отнесена к редукции паремий вообще. А.А. Потebня указывает на то, что пословица представляет отношения между абстрактными величинами, которые обычно конкретизируются в тексте. Характер отношений, зафиксированный в пословице, при этом сохраняется (Гомонова 2018: 54).

Содержание паремиологической единицы с использованием метаоператоров *поговорка, пословица, народная мудрость* в сочетании с предлогами *о, про, насчет* может быть передано, по наблюдениям И.Г. Гомоновой (2018), четырьмя способами, различающимися степенью “сжатия паремии”:

---

⁹ Вслед за К.П. Сидоренко считаем, что термин “интертекстема” целесообразно применять по отношению к наименьшим единицам, манифестирующим интертекстуальные отношения (Сидоренко, 2002: 317). Существует и более широкое понимание интертекстемы (см. подробнее в Москвин 2014).

1) субстантивным компонентом, представляющим ключевое слово или одно из ключевых слов паремии (таким структурам свойственна самая высокая степень редукции):

*Скорпионы, не беритесь за несколько дел одновременно. Хотя поговорка про зайцев тут не актуальна – вы все сделаете. Но вымотаетесь безумно (Глоба 2008) (исходная паремия – *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*);*

2) субстантивным словосочетанием, это словосочетание является ключевым для паремии либо содержит в себе ключевое слово или одно из ключевых слов паремии в качестве опорного компонента:

*Вопреки поговорке про первый блин, а также многолетним наблюдениям над такого рода стартапами, фестиваль короткометражных фильмов, завершившийся в Калининграде, удался с первого захода (Юсипова 2013) – *Первый блин всегда комом*;*

3) двумя субстантивами (паремийным биномом), связанными сочинительным союзом *и*:

*Идеи сезонных распродаж не один десяток лет, а возможно и веков, если вспомнить известную поговорку о санях и телеге (Викторов 2008) – *Готовь сани летом, а телегу – зимой*;*

4) субстантивом или субстантивным словосочетанием (ключевым для данного устойчивого выражения), распространенным определением, выраженным причастным или адъективным оборотом, либо придаточной частью с определительным значением; в этом варианте трансформаций наблюдается невысокая степень редукции, граничащая с вольной передачей содержания паремии:

*Ведь лучшие и самые мощные порты на Балтике отошли к чужим теперь прибалтийским странам, которые успешно воплощают в жизнь поговорку о дорогом перевозе телушки, купленной за полушку (Костров 2001) – *За морем телушка – полушка, да рубль перевоз*;*

*Если вы всецело согласны с поговоркой о телеге, которую нужно готовить зимой, тогда скидки на велосипеды и роликовые коньки для вас (Девятов, Барсова 2010) – *Готовь сани летом, а телегу – зимой*.*

Как видим, контексты содержат сигнальные средства, свидетельствующие о повторе при обозначении окказиональной ситуации некоторых элементов пропозиционального содержания паремиологических единиц: *браться за несколько дел одновременно = 'гнаться за двумя зайцами'*,

первый заход = ‘первый блин’, *сезонная распродажа* = ‘летом’, ‘зимой’ и т.д. Эти сигнальные средства не только маркируют частичное сходство окказиональной ситуации с прецедентной ситуацией, но и способствуют актуализации имплицированных значений паремий, содержание которых передается в сжатом или перефразированном виде.

Обратим внимание также на то, что в первых трех случаях содержание паремии не раскрывается, хотя и “держится в уме” в качестве фонового знания, а в структурах, отнесенных к случаям низкой степени редукции, граничащей с вольной передачей содержания паремии, – оно частично либо полностью эксплицируется. По-видимому, только в первых трех структурных вариантах передачи содержания паремии можно действительно говорить о “сгущении мысли” и об аллюзии – намеке на прецедентный текст¹⁰. Подобные свернутые обозначения пропозиций представляют нижний порог компрессии содержания паремиологической единицы.

Использование метаоператоров *пословица, поговорка, народная мудрость, принцип* и т.п. при введении в текст свернутых обозначений пропозиционального содержания паремиологических единиц отчасти противоречит природе аллюзии как намека на прецедентный текст¹¹. Однако более релевантным признаком, чем отсутствие ссылки на источник “чужого” слова, для идентификации аллюзии в данном случае становится проявление одной из важнейших семантических особенностей аллюзии, которая заключается, как пишет В.П. Москвин со ссылкой на В.А. Кухаренко и М. Риффатера, в компрессивности – номинативной свертке исходного текста, “замещающей” его содержание (Москвин 2014: 44).

---

¹⁰ Мнения паремиологов относительно того, какие именно случаи употребления паремий относить к аллюзии, различаются. Исследователь О.С. Сергиенко (2015: 127–129) считает, что при аллюзии структура пословицы как устойчивого словесного комплекса распадается полностью и используется только ключевое слово либо отдельные компоненты (два-три слова) пословицы, чаще всего образные, употребляемые либо в той же, как в исходном варианте паремии, либо в измененной грамматической форме. Т.А. Наймушина (1984: 13) понимает аллюзию шире и относит к аллюзии не только максимально редуцированные, но и развернутые (перифрастические) ссылки на паремиологические единицы.

¹¹ В.П. Москвин считает, что важной характеристикой “номинативной техники” аллюзии является отсутствие ссылки (Москвин 2014: 43–44).

3.3. Текстовые реализации предложно-падежного комплекса на безрыбье в качестве репрезентанта содержания паремии-претекста

Текстовую аллюзию в классическом виде наблюдаем в тех случаях, когда отдельный композит паремии, отсылающий к паремии-претексту, используется вне конструкции “поговорка/пословица/народная мудрость о (про, насчет)...”. Проанализируем особенности употребления в текстах НКРЯ предложно-падежного комплекса на безрыбье как композита широко известной паремии *На безрыбье и рак рыба*.

Паремиологической единице *На безрыбье и рак рыба* свойственно следующее значение: “За неимением кого-л. или чего-л. лучшего следует довольствоваться тем, что есть, обходиться малым” (СРП 2007: 27). Словарные дефиниции паремии содержат указание на типичные прагматические функции провербиальной единицы: “Говорится в оправдание вынужденной неразборчивости; часто – как выражение негативной оценки того, чем довольствуются” (СРП 2007: 27).

Означаемое провербиального знака представляет тип логической пропозиции – оценочной по своей сути: в условиях отсутствия лучшего и нечто ущербное (неподходящее, не соответствующее желаемому) хорошо. Денотативная ситуация представлена только одним партиципантом – наличествующим ущербным объектом оценки. В семантической же структуре предложения, изоморфной логической пропозиции, два партиципанта, связываемые отношениями отождествления на основе замены одного другим (наличествующий объект, не отвечающий притязаниям на лучшее, и отсутствующий, желаемый объект, который подменяется наличествующим), и сирконстант, конкретизирующий условия, в которых осуществляется отождествление замещающего и замещаемого объектов. Сирконстант, представленный словоформой *на безрыбье*, в своем глубинном значении является свернутым обозначением пропозиции со значением отсутствия/недостатка.

Пропозициональная природа словоформы *на безрыбье*, образный формат концептуализации, общеизвестность паремии, в которой данная словоформа используется для выражения семантики отсутствия, – все это обусловило то, что предложно-падежный комплекс на безрыбье приобрел свойство функционировать в качестве “отпословичного образа-символа” (термин Н.Н. Федоровой (2007: 11), ключевого слова, являющегося репрезентантом аллюзии. Это свойство фиксируется в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (ТСРЯ 2007: 57); в “заромбовой” части дефиниции слова *безрыбье* находим: “На безрыбье (разг.) – при

отсутствии чего-нибудь (из пословицы: *на безрыбье и рак рыба*)". Свидетельством закрепления в языке за словом *безрыбье* вторичного значения и в то же время актуальности связи этого слова с текстом-источником является фиксация в словаре В.Н. Тришина (2013) в ряду синонимов к слову *безрыбье* слова *безрачье*, явно обладающего "родственным" ин-тертекстемным статусом.

Косвенным свидетельством незавершенности процесса "отрыва" слова *безрыбье*, употребляемого в метафорическом значении, от паремии-претекста, равно как и неустойчивости фразеологического статуса предложно-падежного комплекса *на безрыбье*, является то, что для подчеркивания переносного значения слово *безрыбье* в своих текстовых реализациях порой закавычивается, а в составе используемого автономно предложно-падежного комплекса *на безрыбье* предлог *на* не включается в кавычки:

Мысль о Калягине пришла совсем не от ощущения "безрыбья", напротив. Она пришла от реальной встречи с актером, которого я уверенно могу назвать эталонным, образцовым (Эфрос 1975–1987);

Злостные феминистки появляются на "безрыбье", ведь по статистике на десять девчонок по-прежнему приходится девять ребят (Лебедина 2007).

Понятно, что употребление предложно-падежного комплекса *на безрыбье* только при наличии определенного рода детерминаций в контексте может свидетельствовать о явной или неявной связи этого сигнального средства с типовой ситуацией, обозначаемой паремией. Анализ материала показал, что здесь возможны следующие случаи маркирования данной связи:

1) использование метаоператоров (лексических и/или графических, синтаксических средств), сигнализирующих об отсылке к прецедентной единице:

- (1) *Но, надо признаться, картинки были довольно расплывчатые и с ними мирись по принципу "на безрыбье..."* (Лалаянц 2003);
- (2) *В программе фестиваля окажется больше спектаклей, чем номинантов: организаторы не хотят, чтобы премия раздавалась по принципу "на безрыбье и..."* (Кретова 2006);
- (3) *А выглядит всё очень аппетитно. [Medio, жен] Ну, это, правда, из разряда "На безрыбье..."* (коллективный 2014);
- (4) *Он уже побелел от напряжения, но голос звучал неплохо, твердо: – Иначе неинтересно жить. Мне самое легкое влюбиться в тебя. На безрыбье...*

– *И тебе неважно, как я к тебе отношусь? – спросила снизу Рита, сбитая с толку* (Полонский 1966–1968);

- (5) *Моя лаборантка Катенька поставила диагноз: “Не герой, но на безрыбье...” И еще раз посмотрела на меня оценивающе, прикинула, видимо, так и эдак: “Вам подходит, Нин Сергеевн, в самый раз!”* (Андропова 2008);
- (6) *Похоже, люмпен поэтизировался, что называется, на безрыбье: ну не собственника-крестьянина, не интеллигента бесхребетного, не буржуа же кровососущего воспевать!* (Зябликов 2013).

Многоточие (в устной речи пауза) как сигнал умолчания, недоговаривания является универсальным средством маркирования усечения, редукции паремии (1–5) и даже при отсутствии лексических метаоператоров *принцип, разряд* и т.п. (4, 5) может свидетельствовать об обращении пишущего/говорящего к прецедентной единице. Факультативны лексические метаоператоры при написании композита паремии с большой буквы и автономном (4) или в составе синтаксической единицы (5) его употреблении с многоточием. Наличие лексических метаоператоров (*принцип, разряд* и т.п.) при закавыченном употреблении полноформленной паремии говорит обычно о функционировании паремии в статусе фразовой номинации, при закавыченном употреблении минимального фрагмента паремии – о функционировании паремии в статусе свернутой фразовой номинации (1, 2, 3). Употребление вводной конструкции *что называется* при незакавыченном композите паремии (6) говорит о том, что этот композит включен в живые синтаксические связи и используется в качестве свернутого обозначения типовой ситуации. На то, что окказиональная ситуация связана с типовой (прецедентной) ситуацией, обозначенной паремией, указывают иные сигнальные средства.

2) воспроизведение релятивной структуры пропозиции:

а) эксплицитное представление ущербного, проигрышного партиципанта (с раскрытием или без раскрытия его ущербных признаков) – того, чем или кем приходится довольствоваться в ситуации отсутствия/нехватки желаемого, – и эксплицитное выражение его общей положительной/удовлетворительной функциональной оценки:

У “Осы”, которая на безрыбье хоть что-то, главный недостаток не малая энергия, а отвратительная надежность, обусловленная просто издательской конструкцией... (Зубарев 2003);

Эти приборы были разработаны еще в семидесятых годах, отличались техническим несовершенством и вообще давно отслужили свой век. И хотя “рошки” в этом смысле были очень далеки от идеала, но на безрыбье они были незаменимы (Валеева 2002).

Репрезентация ушербного, проигрышного партиципанта может осуществляться с использованием прямых (см. ниже 1, 3) либо косвенных (метафорических) (2) обозначений, то же можно сказать и способах выражения его положительной оценки (специальные языковые средства выражения оценки (1, 2), окказиональные (3)), сравн.:

- (1) *А что делать? На безрыбье и проецник сойдет. Однако в ближайшее время научное сообщество может осознать: лучше сделать более жесткий отбор и принять активное участие в подготовке будущих студентов, чем потом маяться с неучами* (Староверова 2010);
- (2) *Наша команда завоевала две медали – бронзовые. Очередное золото – у дуэта синхронисток Анастасии Ермаковой и Анастасии Давыдовой. А российские ватерполистки вышли в четвертьфинал с первого места в группе. На безрыбье и этот улов дорог, учитывая, что награды пришлось выгрызть у конкурентов* (Сомов 2007);
- (3) *Лимонов прекрасно знает главную особенность российской политики – она сегодня невероятно скучна, забюрократизирована, набита со всех сторон ртами вот таких Касьяновых, в какие бы партии они ни входили. Любая яркая фигура – хоть с искорками харизмы – обречена на популярность. Преснятину хочется заесть хоть лимоном. На безрыбье и Эдичка – Дантон* (Васильева 2006).

Заметим, что при полном воспроизведении структурно-семантической модели паремиологической единицы для обозначения окказиональной ситуации (3) паремиологи говорят об образовании трансформов паремий, основанных на замене компонентов. Такие трансформы по своей семантике действительно “ближе” к прецедентной паремиологической единице, чем те, в которых наблюдаются комбинированные трансформации или, по выражению М. Новаковой, остается только ключевое слово и намек на форму (Новакова 1998: 256):

И тут кто-то вспомнил о Георгии Ярцеве. На безрыбье – чем не претендент? И футболистом был неплохим, и в 1996 году “Спартак” к золотым медалям привел (Плюшев 2003);

В общем, сколько бы ни говорили венецианские снобы-кинокритики, что “на безрыбье конкурсной программы и золотая рыбка Поньо, мультипликационная героиня японской сказки Хаяо Миядзаки, может превратиться в «Золотого льва»”, Венецианский фестиваль доказал, что игровое кино по-прежнему может побеждать, а Голливуд – быть в мейнстриме (Иринин 2008).

Границы между трансформированными вариантами паремий/употреблениями композита паремии в контекстах, в которых обозначение

окациональной ситуации лишь отчасти соотносится с “абстрактными величинами” исходной паремиологической единицы, и использованием слова *безрыбье* в метафорическом значении вне связи с типовой ситуацией очень зыбкие. Определенность этим границам придает учет типа отношений между партиципантами и к партиципнтам.

б) выражение отношения “подмены” отсутствующего лучшего партиципанта наличествующим ущербным на основании их функционального тождества, эти отношения эксплицируются в структурах со значением вынужденного выбора проигрышного партиципанта в ситуации отсутствия чего-то лучшего или со значением довольствования тем, что есть, в отсутствии чего-то другого, лучшего:

Так, Дмитрий Дюмин из “Вера-Олимпа” говорит, что сейчас на рынке нет компаний, которые можно было бы купить: “Gallery надо увеличивать долю рынка, вот на безрыбье и пришлось купить «Реку»” (РБК Daily 2007);

После ухода из спорта Виталия Кличко в супертяжелом дивизионе не осталось героев, которые могли бы собирать на свои бои многомиллионную аудиторию. На безрыбье боксерские боссы вспомнили о порядке заржавевшем Железном Майке (Коробатов 2005);

Речь не только об Энди Маррее, которого в Лондоне поддерживает условно своя публика (вообще-то, Энди шотландец, но на безрыбье англичане готовы болеть даже за него) (Беляева 2012).

Как видим, в связи с воспроизведением представленных в паремии-претексте отношений между “абстрактными величинами” (отношений к партиципнтам, между партиципнтами) качественно иная семантика предикатов вokkaциональных структурах с предложно-падежным комплексом *на безрыбье* не приводит к разрушению связи этого комплекса с паремиологической единицей.

При невыраженности такого рода отношений можно говорить о неактуальности связи предложно-падежного комплекса *на безрыбье* с предедентной паремиологической единицей:

- (1) *Молодой вратарь “Локо” – приятное исключение на нашем хоккейном вратарском “безрыбье”* (Нестеров 2008);
- (2) *Юрий Богомолов, телевизионный критик: – Передача с О. Попцовым и А. Лукашенко выделялась на фоне летнего безрыбья* (Труд-7 2005);
- (3) *Злостные феминистки появляются на “безрыбье”, ведь по статистике на десять девочек по-прежнему приходится девять ребят* (Лебедина 2007);

- (4) *Двадцать минут в сутки иду квартиру, остальное время употребляю на сон и путешествия – на базар, озеро, в столовую. Сильно загорел. Можно в парк. Спать еще рано. *** 24 июня. Опять безрыбье. Целыми днями таскаюсь из угла в угол, и все безрезультатно. С прежней квартиры меня выпроводили дипломатически вежливо. Хорошо, что я успел найти другую (Батюто 1943).*

В контекстах (1, 2) партиципant не характеризуется как ущербный, проигрышный; (3) партиципant не получает общей положительной оценки и не выражается значение выбора партиципанта/довольствования партиципantom; (4) ущербный и отсутствующий партиципанты в ближайшем контексте вообще не обозначены, соответственно, не выражаются никакие отношения, связанные с ними.

В заключение заметим, что предложно-падежный комплекс *на безрыбье* в настоящее время активно используется с целью намек на прецедентную ситуацию, представляющую означаемое паремии, причем не только в качестве вкраплений в речь, но и в качестве названий разного рода видеопродукции, адресованной массовому зрителю или специальной публике, объединяемой общим интересом. Это, к примеру, название одной из серий цикла короткометражных сатирических фильмов “Городок” – “На безрыбье... (Вернисаж)” (см. Рисунок 1, Рисунок 2), а также название блога “На безрыбье”, посвященного критическому обзору компьютерных игр, мемов, виарчатов и т.п.¹² Сатирическое (в фильме) и критическое (в обзорах) содержание видеопродукции актуализирует известное адресату значение паремии.

Рисунок 1. Кадр из фильма “На безрыбье... (Вернисаж)”

Рисунок 2. Финальный кадр фильма

¹² Критические обзоры размещены на видеохостинговом сайте YouTube по ссылкам: www.youtube.com/watch?v=9t9dukhgP2I; www.youtube.com/watch?v=990bROj9WRg и др.

4. Выводы

1. Воспроизводимость языковых знаков в своем научном определении подобна кантовской “вещи в себе”, а вернее, “вещи самой по себе”. Трудно достичь искомой точности в дефинициях воспроизводимости, так как задача сопряжена с нахождением постоянства в изменчивом. Мы можем только фиксировать явление воспроизводимости в каждом конкретном случае как факт актуализации ассоциативной связи между материальной репрезентацией знака и значением, детерминируемым взаимодействием устойчивой части понятийного содержания знака и функции, которой наделяется знак в линейном ряду.

2. Существует несколько причин, по которым паремии при употреблении в речи подвергаются существенным трансформациям: 1) гибридная семиотическая природа паремиологических единиц (пропозициональность семантики, возможность варьирования модальных значений); 2) членимость паремий на компоненты, которые в системе языка являются полнозначными словами, что обуславливает прозрачную мотивированность семантических ролей этих слов в структуре паремии и допускает их замену; 3) иерархическая организация семантической структуры, позволяющая оживлять связь трансформации с понятийным содержанием исходного варианта паремии даже в случаях воспроизведения только абстрактных, семантико-синтаксических значений паремиологической единицы.

3. Сохранение при трансформации паремии константной части понятийного содержания паремиологической единицы свидетельствует о воспроизведении паремиологического знака в его окказиональной материальной оболочке, имеющей непременно нечто общее с материальной оболочкой канонического варианта. Узнавание этого общего зиждется на культурных компетенциях носителей языка. Оживление связи между трансформом паремии и денотатом канонического варианта паремиологической единицы основывается на использовании средств, участвующих в воспроизведении реляционной структуры пропозиции.

4. Обозначение типовой ситуации, знаком которой выступает паремия, в свернутом виде (ключевым словом, сочинительным сочетанием ключевых слов, сочетанием ключевого слова с распространителем) в составе структуры “*пословица/поговорка/народная мудрость о (про, насчет)...*” есть способ обращения к содержанию паремии с целью намерения на прецедентную ситуацию. Средствами, раскрывающими связь репрезентанта аллюзии с паремией-претекстом, являются метаоператоры; средствами актуализации имплицированных значений паремии и рас-

крытия оснований аллюзии – эксплицитная репрезентация сходных элементов пропозиции при обозначенииokkaзиональной ситуации.

5. Текстовая аллюзия в классическом виде наблюдается в тех случаях, когда отдельный компонент паремии, отсылающий к паремии-претексту, используется вне структур типа “*пословица о...*”. Для дешифровки связи автономно употребленного композита паремиологической единицы с паремией-претекстом и прецедентной ситуацией используются специальные средства объективации интертекстуальности (графические, лексические, синтаксические метаоператоры) и средства, участвующие в воспроизведении структуры пропозиции паремиологической единицы.

Библиография

- Архангельский, Владимир А. 1968. Методы фразеологического исследования в отечественном языкознании. В: *Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета.
- Балли, Шарль. 2001. *Французская стилистика*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Вайнрих, Харальд. 1987. Лингвистика лжи. В: Петров (ред.). *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва: Прогресс. 44–88.
- Вальтер, Харри; Мокиенко Валерий. 2006. *Антипословицы русского народа*. Санкт-Петербург: Издательский дом “Нева”. 2006.
- Гаспаров, Борис М. 1996. *Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Гомонова, Инна Г. 2018. Редукция как один из способов дискурсивной реализации паремий. В: *Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины*. № 1 (106). 54–58.
- Дымарский, Михаил Я. 2013. От моделей предложения к моделированию высказывания. В: *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов, Минск, 2013. Доклады российской делегации*. Москва: Индрик. 308–330.
- Жуков, Влас П. 2000. Предисловие. В: Жуков, Влас П. *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва: Русский язык. 9–21.
- Иванова, Елизавета В. 2006. *Мир в английских и русских пословицах*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Караулов, Юрий Н. 1996. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента. В: Уфимцева, Наталья В. (ред.). *Этнокультурная специфика языкового сознания*. Москва: РАН. Ин-т языкознания.
- Карцевский Сергей О. 1965. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. В: Звегинцев Владимир А. (ред.) *История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях*. Ч. 2. Москва: Просвещение. 85–93.

- Красных, Виктория В. 2012. *Основы психолингвистики*. Москва: Гнозис.
- Лотман, Юрий М. 2002. *История и типология русской культуры*. Санкт-Петербург: "Искусство-СПБ". <http://knigi.link/kultura/semiotika-problema-znaka-31343.html>. Дата доступа: 11.08.2018.
- Махова, Анна А. 2014. Типы и функции интертекстем в журналистском дискурсе. В: *Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки*. 2014. № 20 (191). Выпуск 23. 142–149.
- Мелерович, Алина; Мокиенко Валерий. 1997. Введение. В: Мелерович, Алина; Мокиенко Валерий. *Фразеологизмы русской речи*. Москва: Русские словари. 3–44.
- Москвин, Василий П. 2014. Аллюзия как фигура интертекста. В: *Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ "Грани познания"*. № 1(28). Январь 2014. 43–47. www.grani.vspu.ru. Дата обращения: 12.08.2018.
- Наймушина, Татьяна А. 1984. *Пословицы и поговорки в художественном тексте*. Канд. дисс. Ленинградский Ордена Ленина и Ордена Красного Знамени университет им. А.А. Жданова. Ленинград.
- Налимов, Василий В. 1979. *Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков*. Москва: Наука.
- Ничипорчик, Елена В. 2010. Дискурс → текст → дискурс → текст ... (паремический текст как фиксированный результат дискурсивного процесса). В: Aleksiejenko, Michail; Walter, Harry (red.) *"Słowo. Tekst. Czas X": Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmach naukowych*. Szczecin, Greifswald. 413–421.
- Ничипорчик, Елена В. 2015. *Отражение ценностных ориентаций в паремиях*. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины.
- Ничипорчик, Елена В. 2016. *Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социолингвистический аспекты*. Док. дисс. Белорусский гос. ун-т. Минск.
- НКРЯ: *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpota.ru>.
- Норман, Борис Ю. 2004. *Теория языка. Вводный курс*. Москва: Флинта, Наука.
- Пермяков, Григорий. Л. 1975. К вопросу о структуре паремиологического фонда. В: *Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В. Я. Проппа*. Москва. 247–275.
- Потебня, Александр А. 1990. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. В: Потебня Александр А. *Теоретическая поэтика*. Москва: Высшая школа. 55–131.
- Савенкова, Людмила Б. 2002. *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов на Дону: Изд-во Рост. ун-та.
- Селиверстова, Елена И. 2009. *Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость*. Санкт-Петербург: МИРС.

- Сергиенко, Олеся С. 2015. *Нормативность и вариативность чешских и словацких пословиц*. Санкт-Петербург: С.-Петербург. гос. ун-т.
- Сидоренко, Константин П. 2005. От крылатого слова к интертекстеме (межуровневая проекция). В: Алексеев, Михаил; Мокиенко Валерий (ред.) *Грани слова: сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко*. Москва: ЭЛПИС, 2005.
- СРП: Мокиенко, Валерий М. и др. 2007. *Словарь русских пословиц: ок. 1 000 единиц*. Мокиенко, Валерий (ред.). Москва: Астрель: АСТ.
- Тришин, Виталий Н. 2013. *Словарь синонимов ASIS*. <https://dic.academic.ru>. Дата обращения: 23.08.2018.
- ТСРЯ: Ушаков, Дмитрий Н. (ред.). 2007. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Астрель: АСТ: Хранитель.
- Федорова, Наталья Н. 2007. *Современные трансформации русских пословиц*. Канд. дисс. Псковский государственный педагогический университет им. С.М. Кирова. Великий Новгород.
- Черкасский, Михаил А. 1978. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы: (Пословицы и афоризмы) В: Пермяков Григорий А. (ред.) *Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст)*. Москва: Наука. 35–52.
- Boggione, Valter. 2007. *Lògos, dialogo, letteratura* In: Boggione, Valter; Massobrio, Lorenzo. *Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi*. Torino: UTET, XXIII–XLVIII.
- Mieder, Wolfgang. 1998. *Verdrehte Weisheiten.: Antisprichwörter aus Literatur und Medien*. Wiesbaden: Quelle & Meyer.
- Nováková, Marie. 1998. All that glitters on the newspapers is not proverb. Worked on the basis of the material from the Czech National Corpus. In: Europhras'97. *Phraseology and Paremiology*. Bratislava: Akademia PZ. 250–256.

Reproducible and variable in the textual implementations of proverbs

Summary

Reproducibility of linguistic signs is observed in the process of communication and manifested in the actualisation of the associative relation between a material representation of a sign and the meaning that is determined in every particular case by cooperation of the stable part of the conceptual content of the sign and the function that is attributed to the sign in a linear series.

Reproducibility is an essential feature of paremiological units. Combination of linguistic and speech attributes in the nature of proverbs, dividedness of proverbs on components which represent meaningful words in a language system, hierarchical

organisation of semantic paremiological structure determine the distinctness of manifestation of reproducibility. The canonical form of a paremiological unit when used in speech can incur substantial changes: 1) reduction; 2) extension; 3) rearrangement of components; 4) substitution of components; 5) composite structural transformations and etc. Preservation of the constant part of the conceptual content of a paremiological unit indicates reproduction of the paremiological sign in its occasional shell that absolutely has something in common with the material shell of the canonical variant. Recognition of that commonality is based on cultural competences of a language speaker. Actualisation of the relation between a transform of a proverb and the denotatum of the canonical variant of the paremiological unit is based on the use of the means that participate in reproduction of the relational structure of proposition of the canonical proverb.

The use of a keyword/keywords in the function of a reduced designation of the propositional content of a proverb is observed in the scope of structures like "proverb about...". Reduced notations of the propositional content of a proverb, autonomous uses of a paremiological component out of structure "proverb about..." represent the lower boundary of paremiological sign compression and are used to allude to a precedent (typical) situation. Special means of intertextuality objectivation (graphical, lexical, syntactical metaoperators) reveal the relation between an allusion mean and a proverb-pretex. Explicit representation of elements of a proposition of the canonical proverb in designation of an occasional situation is the mean of the actualisation of implicit meanings of a proverb and revelation of the allusion foundation.